

Լ. Մ. Меликсет-Бек

Член-корресп. АН Арм. ССР

Из истории археологических изысканий в Армении

Вопрос о локализации Арташата—Артаксаты¹ не новый в истории археологического изучения Армении и Кавказа. Им интересовались как средневековые путешественники, так и иностранцы, посещавшие Кавказ и, в частности, Армению в течение XIX столетия.

Для русского наблюдателя, однако, вопрос о локализации Арташата—Артаксаты приобретает реальный научный интерес лишь после присоединения Эриванского и Нахичеванского ханств к Российской империи по Туркменчайскому договору 1828 г. и последующих мероприятий царского правительства по образованию „Армянской области“ и всестороннему изучению таковой, осуществленному И. Шопеном (Исторический памятник состояния Армянской области в эпоху ее присоединения к Российской Империи, в 5 книгах, в I томе, Спб. 1852), Ал. Худабашевым (Обозрение Армении в географическом, историческом и литературном отношении, Спб. 1859) и др.

Организация Кавказского Отдела Русского Географического Общества (1850)—первого научного учреждения на Кавказе, а затем Кавказского музея (1865), значит, до возникновения Общества любителей Кавказской археологии (1874) и созыва в Тифлисе V археологического съезда (1881) и, тем более, задолго до раскопок Н. Я. Марра в Ани и Гарни (с 1892) и архим. Хачика Дадяна в Вагаршапате и Двине (с 1904—1907 г.), естественно, не могла с первых же дней существования таковых обеспечить проведение археологических разведок и раскопок в крае, вообще: и в Армении в частности, поскольку таковые не составляли первоочередных задач их деятельности.

Отсюда понятно, почему археологическое изучение края в 40—50-х г.г. прошлого столетия протекает по инициативе лишь отдельных любителей старины (Х. Абовян, Токарев) или осознающих

¹ Имею в виду, между прочим, кандидатскую диссертацию Иосифа Егизава-ряна „Местоположение древнего города Арташата“, защищенную, при нашем участии, как рецензента и официального оппонента, в Институте Истории Академии Наук Арм. ССР 20 июля 1944 г.

полезность такового изучения представителей местной власти (кн. М. С. Воронцов), в обоих случаях—в рамках любительских лишь приемов собирания музейных экспонатов и источниковедческих разысканий.

Об этом красноречивее всего свидетельствуют архивные материалы, сосредоточенные в Центральном Гос. Историческом Архиве Груз. ССР и, в первую очередь, два дела фонда № 4/30 „Канцелярии Наместника Кавказского“ за время наместничества кн. М. С. Воронцова (1844—1854): № 194—от 1846 г., и № 243—от 1851—1852 г.г.

I

Дело № 194 озаглавлено: „По рапорту управляющего учебною частью на Кавказе об учреждении при Эриванском уездном училище Кабинета древностей армянских“, на 1 листе; включает в себе всего-навсего 1 документ, а именно—рапорт члена Совета Главного Управления (Наместника Кавказского), управляющего учебною частью на Кавказе, от 18 октября 1846 г. за № 707, адресованный „Господину Наместнику Кавказскому и Генерал-Губернатору Новороссийскому и Бессарабскому“, следующего содержания:

„Эриванский уездный начальник уведомил директора училищ, что он желает сохранить, сколько можно, любопытные остатки древностей и исторических памятников Армении, находящихся во множестве по вверенному ему уезду, которые поселяне решаются расхищать, для употребления на свои постройки; таким образом, по приказанию его были задержаны четыре прекрасные капители, вывезенные из урочища Баш-Гарни, где, как известно по истории и преданиям, был великолепный дворец Теридата, и доставлены к дому Эриванского уездного училища. Вместе с тем он находил приличным основать при уездном училище кабинет, в котором бы помещались все отыскиваемые в крае древности и обломки камней с историческими надписями, а также произведения по всем царствам природы этой страны.

„Вследствие этого Директор училищ предписал исправляющему должность штатного смотрителя Эриванского уездного училища, чтобы он принимал в училище все доставляемые от уездного начальника остатки и памятники древностей и вообще все любопытные произведения природы, делал им обстоятельное описание и каталоги и составил бы из всего этого кабинет.

„О чем я честь имею донести Вашему Снятельству для сведения.

Генерал-майор (подпись)».

Упоминание в этом рапорте исправляющего должность штатного смотрителя Эриванского уездного училища при дате 18 октября 1846 г. не оставляет сомнения в том, что кабинет древностей, о котором идет речь в рапорте, мыслится в связи с деятельностью в те

годы (1843—1848) на означенном посту великого просветителя армян, Хачатура Абовяна, который, таким образом, предстает пред нами, помимо того, что он первый альпинист, также и в роли первого краеведа-музееведа на Кавказе и в Армении.

II

Дело № 243 озаглавлено: „О производстве историко-археологических разысканий в Эриванской губернии“; начато 1 июля 1850 г. и закончено ровно через год—1 июля 1851 г.; на 38 листах.

Содержит в себе, между прочим, следующие материалы.

1. „Проект историко-археологических и статистических розысканий в Эриванской губернии“ (л. 1 г—2 г);
2. Рапорт чиновника Канцелярии Наместника Кавказского Коллежского Ассесора Токарева, адресованный „Его Сиятельству Господину Наместнику Кавказскому, Новороссийскому и Бессарабскому Генерал-Губернатору Князю Михаилу Семеновичу Воронцову“, от 27 октября 1850 г., на котором рукою М. С. Воронцова наложена резолюция: „Согласен“ (л. 17 г—20 г);
3. „Журнал занятий чиновника Канцелярии Наместника Кавказского Токарева, командированного в Эриванскую губернию для собирания историко-археологических, статистических и хозяйственных сведений в губернии“ (л. 23 г—25 г);
4. „Маршрут“ поездки Токарева протяжением в 1929 верст (л. 26 г—29 г);
5. „Перечень планов и копий¹ с надписей, привезенных с оной чиновником канцелярии Наместника Кавказского Токаревым“ (л. 30 г);
6. „Перечень образцов для предполагаемого Музеума, привезенных чиновником Токаревым“ (л. 31 г);
7. „Описание монет, привезенных коллежским ассесором Токаревым из командировки в Эриванскую губернию“ (л. 37 г—37 v);
8. „Описание различных древностей, привезенных коллежским ассесором Токаревым из командировки его в Эриванскую губернию“ (л. 38г—v).

Из этих документов для истории археологических разведок и раскопок в Армении и по вопросу о локализации Арташата—Артаксаты интересны первые два, которые мы тут и воспроизводим в основных, наиболее близких к нашей теме, частях.

1. Из „Проекта историко-археологических и статистических розысканий в Эриванской губернии“ (от 1 июля 1850 г.):

„Кавказ есть страна классическая для истории.—свидетельства древних писателей свидетельствуют о большом развитии здесь жизни государственной в древние времена. Следы этой жизни остались в развалинах, которые и до сих пор видны на поверхности земли и которыми усеяна вся почва Кавказа вообще. Предания и сказа-

¹ В подлиннике: планам и копиям.

ния писателей говорят о значительных городах, существовавших когда-то в этих странах и сгладившихся теперь с лица земли; это естественно заставляет предполагать, что развалины этих городов существуют в различных местах пол земель. Так, например, должно думать об Артаксаде, исчезнувшей теперь совершенно и которую, вероятно, можно будет отыскать, если сделать некоторые попытки рытия, соображаясь с указания[ми] о местности этого города, сохранившимися (в рп.: сохранившиеся. Sic) у некоторых писателей. Можно достоверно предполагать, что археологические разыскания дали бы много богатых результатов, преимущественно в Эриванской губернии, где было зерно когда-то могучего Царства Армянского*.

Засим автор проекта намечает практические мероприятия по изучению края, которое он рекомендует доверить специально командированному лицу, в частности: „Поручить ему собрать все сведения, существующие в преданиях народных о местности бывших городов и п[р]оверить эти сведения вместе с свидетельствами писателей на самой местности; составить подробный¹ перечень всех существующих развалин вообще древних памятников Эриванской губернии; составить указание тех мест, где можно предполагать сокрытие в недрах земли развалин; сделать некоторые опыты археологических кампаний и представить результаты, полученные от них“.

2. Из рапорта чиновника Токарева (от 27 октября 1850 г.):

„На пути своем [из Ани в Аралы] я останавливался в развалинах крепости Каракала, которую туземцы также называют Артаксадою и которая, судя по местности, кажется мне, вернее древняя Артаксада, нежели та, которую так называли до сих пор. Исследовав еще хорошенько этот вопрос по историческим данным, я постараюсь изложить в особой записке причины, заставляющие меня так думать, вопреки мнению стольких ученых и путешественников. Из Аралых я съездил осмотреть Хорвирабский монастырь и, дождавшись полковника Ходзько, принял участие в его экспедиции на Арарат. Побывав на вершине этой исторической горы, я возвратился в Аралы и оттуда через Эривань в Дарачичаг...

...я поехал прямо через Даралагез в Нахичевань. На пути своем я видел и посетил... Близ сел. Моз нашел я развалины целого города, простирающиеся версты на две или на три. Исторические сведения, сохранившиеся у древних и новых писателей, и народное предание, согласующееся с ними и слышанное мною от одного сведущего армянина, мелика Кулашбара из сел. Акулиси, заставляют меня предполагать, что эти развалины принадлежат бывшей столице Армении после Артаксады—Товину или Двину. Осмелюсь доложить Вашему Снятельству, что я постараюсь разъяснить этот вопрос и доказать мое мнение. Если предположение мое окажется справедливым, тогда положительно определится местность Товина,

* В подлиннике: подробно. Sic. Л. М. Б.

о котором сам Сен-Мартен не представляет достаточно определенных сведений и открытие теперь этих развалин делается тогда важным открытием для науки. Во всяком случае, Товин ли это, или нет, но эти развалины, совершенно еще не исследованные, заслуживают вполне внимания археолога и нет никакого сомнения, что подробное и тщательное исследование их даст богатые результаты для науки...

«...Из Джульфа прибыл я опять в Нахичевань, который я обозрел. Отсюда отправился я через Камарлю в сел. Ардашир, близ которого находятся развалины города, который будто бы и есть древняя Артаксада. Здесь я сделал небольшой опыт разрытия главного кургана и отрыл остатки здания и в нем несколько вещей, из которых, к сожалению, ни одна не была сохранена в целости. Слышанное мною предание и тщательное обозрение местности заставляют меня сильно сомневаться в господствующем теперь мнении, что будто бы здесь была Артаксада. Но не решаясь еще положительно опровергнуть мнения стольких ученых и путешественников, честь имею донести Вашему Сиятельству, что я намерен еще предварительно хорошенько исследовать этот вопрос по историческим данным и тогда в особом труде сообщу результаты моих исследований. Осмеливаюсь здесь только доложить Вашему Сиятельству, что местность этих развалин, как они есть теперь, вовсе не соответствует описанию Артаксады, оставленному нам Страбоном, и это обстоятельство и вводит меня в недоумение. Из Ардашира я съездил осмотреть Кегартский монастырь, а на возвратном пути останавливался в сел. Баш-Гарни, чтобы видеть развалины крепости и дворца Тиридата.

«Этим я закончил свое путешествие, и из Ардашира возвратился в Эривань...»

3. Особо отмечаем комплекс музейных экспонатов из командировки Токарева в Эриванскую губернию в 1850 г.—по соответствующим „перечням“ и „описаниям“ (от 21 февраля 1851 г.):

—По „перечню планов и копий“¹ с надписей*: из Ардашира—план разрытого Токаревым здания (1); план развалин близ сел. Ардашир (1); из Баш-Гарни—надпись от креста, изображение карнизов и капителей колонн (4).

—По „перечню образцов для предполагаемого музея*: „некоторые древние вещицы, выкопанные в развалинах Артаксиды“ (Sic).

—По „описанию монет*: сельджукские [монеты]; „с куфической надписью с одной стороны круг и с другой шестиугольник“ (1)—из Ардашира.

—По „описанию различных древностей*: из Каракалы—крышка с кувшина (1); из Ардашира—человеческий череп (1), глиняная

¹ В подлиннике: планам и копиям.

крышка от кувшинов (4), обломки фаянсовых блюд и тарелок (4), глиняная лампочка (1), треножник глиняный (1), разные мелкие черепки с золотыми узорами (6), стеклообразные и бирюзоподобные осколки (4), всего 22 предмета.

Последнее описание снабжено примечанием следующего содержания: „Последние 21 штука вырыты при раскапывании развалины древней Артаксады (Sic). Первое же найдено на поверхности земли“, что, конечно, не может быть обойдено молчанием и без критики с нашей стороны, поскольку в одном случае (в основном тексте) Токарев говорит о 21 экспонате „из Ардашира“, а в другом (в примечании) о тех же экспонатах „из Артаксады“.

В заключение следует отметить, что каковы бы ни были рассуждения Токарева, направленные к идентификации Арташата—Артаксаты с развалинами крепости Каракала в районе Аралыха, важно то, что он всячески отвергает возможность отождествления Арташата—Артаксаты с Ардаширом—Арташаром. Но, с другой стороны, тот же Токарев впадает в ошибку, когда Товин—Двин ищет не в Ардашир—Арташаре, а где-то в юго-восточном направлении.

Է. ՄԵԼԻՔՍԵՏ-ԲԵԿ

ՀԱՅԱՍՏԱՆԻ ՀԱՊԻՏԱԿԱՆ ՀԵՏԱԶՈՏՈՒԹՅՈՒՆՆԵՐԻ ՊԱՏՄՈՒԹՅՈՒՆՆԵՐԻ

Ա Մ Փ Ո Փ Ո Ւ Մ

Օգտագործելով Վրաստանի Կենտրոնական Պատմական Արխիվում պահվող № 434 արխիվային ֆոնդի (Կովկասյան փոխարքայի դիվանատան) № 154—1846 թ. և № 243—1850 թ. գործերը, հողվածագիրը մատնանշում է երկու կարևոր մոմենտ Հայաստանում կատարված հնագիտական հետախուզումների պատմությունից, այն է.

ա. Երևանի զավառական դպրոցին կից 1846 թ. հիմնվել է հայկական հնությունների կաթինետ, ասել է՝ Խ. Աբովյանի այնտեղ պաշտոնավարության միջոցին և նրա անմիջական հսկողության տակ. որով մեր մեծ լուսավորիչը այսուհետև ներկայանում է մեր առջե իրրե առաջին զավառագետ-մուգեագետը (թանգարանագետ) Կովկասում և Հայաստանում:

բ. Կովկասյան փոխարքայի դիվանատան աստիճանավոր Տոկարեվի Երևանյան նահանգում 1850 թ. կատարած հնագիտական հետախուզությունները և փորձական պեղումները, ըստ էության, առաջին հնագիտական միջոցառումն են Հայաստանում: Միամաժանակ նա արժեքավոր դիտողություններ է արել Արտաշատ—Արտաքսատայի տեղագրության հարցի շուրջը: